

УДК 130.2; 248.2; 29

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-97-106

РУССКИЕ МИСТИКИ НА ЗАПАДЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТОВ

Кравченко В. В.*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4Г, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Показать, что в XIX в. произошло столкновение западного эзотерицизма и русского мистицизма как двух различных менталитетов в отношении Востока и его духовного наследия.

Процедура и методы. В основе исследования лежит компаративистский подход. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации и дискурсивный анализ.

Результаты. В ходе работы доказывается, что русские мистики XIX – начала XX вв. (Е. П. Блаватская, Г. И. Гурджиев, П. Д. Успенский) и их последователи (русские символисты, космисты, авангардисты), в силу историко-культурных обстоятельств надолго или навсегда уехавшие на Запад, сегодня безоговорочно включаются в западный эзотерицизм, хотя они были и оставались представителями «русского зарубежья», а главное – проводниками новаторских идей духовного синтеза культур. Обладая русским менталитетом, они решали не узко этнические, а общечеловеческие духовные проблемы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования доказывают, что столкновение русского менталитета выдающихся учителей русского мистицизма с современным им западным менталитетом привело к кардинальной трансформации духовной жизни и на Западе, и в России, и на Востоке, к усилению и обогащению межкультурных взаимодействий, складыванию единых глобальных трендов развития мировой культуры, определяющих современную духовную жизнь.

Ключевые слова: русский менталитет, русский мистицизм, русская культура, западный эзотерицизм, синтез культур Запада, Востока и России

RUSSIAN MYSTICS IN THE WEST: CLASH OF MENTALITIES

V. Kravchenko*Moscow Aviation Institute (National Research University)
Volokolamskoye shosse 4G, Moscow 125993, Russian Federation*

Aim. To show that in the 19th century there was a clash of Western esotericism and Russian mysticism, as two different mentalities, in relation to the East and its spiritual heritage.

Methodology. The research is based on the comparative approach. Methods of observation, generalization, interpretation, and discursive analysis are used in the study.

Results. In the course of the study, it is proved that the Russian mystics (H. P. Blavatsky, G. I. Gurdjieff, P. D. Ouspensky) and their followers (Russian symbolists, cosmists, avant-gardists), due to historical and cultural circumstances, had to move to the West, although they remained representatives of Russian culture, and – the most importantly – they contributed to the renewal of the spiritual synthesis of cultures. Having the Russian mentality, they solved not ethnic, but universal spiritual problems.

Research implications. The results of the study show that the teachers of Russian mysticism collided with the modern Western mentality, and this process led to a radical transformation of spiritual life in the West, in Russia, and in the East, and it was ultimately manifested in strengthening and enrichment of cross-cultural interactions, in formation of the unified global trends in the development of world culture, which determine, to a large extent, modern spiritual life.

Keywords: Russian mentality, Russian mysticism, Russian culture, Western esotericism, synthesis of cultures of the West, East and Russia

Введение

В западном «Словаре гнозиса и западного эзотерицизма»¹ полностью исключено понятие русского мистицизма как духовного и культурно-социального феномена, который, зародившись в середине XIX в. (в эпоху «Золотого века» русской литературы), бурно развивался на переломе XIX и XX вв. как важнейший фактор духовной атмосферы «Серебряного века» [6]. Существова главным образом в русском зарубежье и советском подполье, он постепенно терял творческую энергию к XXI в. Однако русский мистицизм нельзя «вписать» в рамки западного эзотерицизма, как невозможно свести к плоскости объёмную фигуру.

Русский мистицизм как яркий этнокультурный феномен, сформированный на основе русского менталитета

Сегодня в западном эзотерицизме Е. П. Блаватская, Г. И. Гурджиев и П. Д. Успенский рассматриваются как якобы сформированные на Западе личности, обладающие западным менталитетом. В действительности, все русские мистики – яркие представители многонациональной и богатейшей русской культуры, плодотворно работавшие на Западе, прибывшие туда уже сформированными личностями, со своими целями, методами, практиками и т. п. Русский менталитет – это сущность русских мистиков, отличавшая их выдающееся творчество; он, повторим вслед за Г. И. Гурджиевым, «есть “Я” – это наша наследственность, наш тип, наш характер, наша природа» [3, с. 36].

В трактовке понятия «менталитет» мы будем опираться на наше определение, данное в монографии «Симфония человеческой культуры»: «менталитет – это интегральная культурно-психологическая характеристика людей отдельного этноса, которая позволяет описать своеобразие их видения окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» [7, с. 263–264]. Менталитет включает глубин-

ный пласт эмоционально-бессознательных элементов, которые зачастую относятся к области этнической психологии.

Русский мистицизм именно в связи с особенностями русского менталитета получил мировое значение как феномен межкультурного взаимодействия. Потому его не стоит ставить в один ряд с привычными явлениями национального порядка (английскими, американскими, китайскими и другими мистиками). Русский мистицизм – плод глобализирующей культуры XIX–XX вв., в которой культурная принадлежность определяется, прежде всего, особенностями менталитета и духовных практик. Появление русских мистиков на Западе не было обычной эмиграцией, диссидентством, ассимиляцией или культур-трегерством – оно было, в определённом смысле, всем понемногу. Только в XX в. З. Гиппиус нашла объяснение этому движению русской культуры на Запад: «Мы не в изгнании, мы в послании»². «Посланичество» русских мистиков было начато Е. П. Блаватской задолго до раскола русского духовного континента после революции 1917 г. Для русской культуры понятия «русскости» или «европейства» всегда были чрезвычайно дискуссионными, когда речь шла не о территориях проживания и деятельности, а о специфике мышления и творчества выдающихся деятелей русской культуры. Как известно, Н. В. Гоголь писал «Мёртвые души» в Риме, великий русский писатель И. С. Тургенев всю творческую жизнь прожил во Франции. Существуют также примеры, когда русские по происхождению интеллектуалы ментально стали стопроцентными европейцами: Б. Муравьёв – западным «гурджиевцем»³; А. Койре – безусловно, французским философом и эзотериологом⁴.

² В среде русской эмиграции эта фраза считалась принадлежащей З. Гиппиус. Однако, как выяснили современные литературоведы, фраза Гиппиус – несколько переиначенные строки из стихотворения Н. Берберовой: «Я говорю: я не в изгнание, / Я не ищу земных путей. / Я не в изгнание, я в – послание, / Легко мне жить среди людей!». См.: Коростелев О. Пафос свободы // Критика русского зарубежья: в 2 т. Т. 1 / ред. О. А. Коростелев, Н. Г. Мельников. М.: Олимп, 2002. С. 8.

³ Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. W. J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006. P. 806–807.

⁴ Там же. P. 612, 623.

¹ Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. W. J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006. 1229 p.

Вопрос об этнической принадлежности человека и основе его менталитета в России XIX в. был решён однозначно датчанином по происхождению, но ментально русским человеком – В. И. Далем, создателем «Словаря живого великорусского языка». По воспоминаниям А. П. Мельникова-Печерского, в ответ на вопрос немцев прибалтийского края, немец он или русский, В. И. Даль писал: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот, где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит» [10, с. 340]. Русские мистики, в первую очередь Е. П. Блаватская, Г. И. Гурджиев и П. Д. Успенский, до конца жизни думавшие по-русски и о России, безусловно, были русскими «гражданами мира», соединявшими в своём менталитете и творчестве Россию, Запад и Восток.

В знаменитой книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» представлен западный взгляд на межкультурные взаимодействия народов и государств Запада и Востока, неизбежно ведущие к экспансии Запада и войнам [13]. «Столкновение» же русского и западного менталитетов в отношении Востока привело не к обострению противостояния, а к синтезу этих важнейших духовных регионов, в котором русский менталитет сыграл роль «третьей силы» на пути к действенному диалогу и духовному взаимопониманию.

О русском менталитете Е. П. Блаватской

Авторы «Словаря гнозиса и западного эзотерицизма» указывают, что Е. П. Блаватская (1831–1891) родилась на Украине (?!)¹. Но напомним, что г. Екатеринослав в XIX в. находился в Российской империи (и только в 1991 г. он был переименован в Днепрпетровск, а ныне – г. Днепр в Украине). При этом западные биографы отмечают роль детских

лет, проведённых под Саратовом, в формировании характера и проявлении неординарных способностей Е. П. Блаватской [11, с. 21–57]. Большое влияние на девочку, рано потерявшую мать, оказала бабушка, Елена Павловна Фадеева, разносторонне образованная представительница дворянского рода Долгоруковых, которая переписывалась с А. Гумбольдтом. Мать Блаватской, Елену Андреевну Ган, писавшую под псевдонимом «Зенаида Р-ва», отметил В. Г. Белинский как «русскую Жорж Санд». Отец Елены, П. А. Ган-Роттенштерн, служил полковником в конной артиллерийской батарее. Близким родственником Е. П. Блаватской был граф С. Ю. Витте. Творчески-деятельная атмосфера большой семьи, уважение к русским традициям и укладу жизни, духовная свобода развития необычайно одарённой и активной девочки – всё это формировало русский менталитет Е. П. Блаватской.

Вынужденная уехать из России, за границей на фоне революций и бурной модернизации духовной, политической и социальной жизни, Блаватская нашла благодатную почву для литературной, мистико-философской и организаторской деятельности. Её родная сестра В. П. Желиховская отмечала странность сложившейся ситуации. «Для нас, русских людей, они (книги и статьи Е. П. Блаватской. – В. К.) представляют лишь внешний интерес, как замечательное умственное движение, возбуждённое во всём мире русской женщиной, без всяких на то средств, кроме своего ума, громадных знаний и необычайной силы воли» [5, с. 5].

В 1880 г. Е. П. Блаватская написала письмо известному российскому востоковеду И. П. Минаеву, предлагая передать ему для изучения редкие манускрипты по буддизму и старинные индийские монеты в дар для музея в Петербурге (к сожалению, Минаев не ответил). Елена Петровна писала: «Ежели желаете знать, почему такая благодать именно *вам*, – ответу откровенно: единственно потому, что вы русский – родной ... чем более старею, тем более болит душа по России, которую уж никогда не увижу. ... Но это мне не мешает быть горячей патриоткой и даже

¹ Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. W. J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006. P. 177.

быть готовой положить жизнь за родину, даже за царя, хотя я его и променяла, сделавшись американской гражданкой»¹.

В международной деятельности Е. П. Блаватской русский мистицизм как изначально глобальное духовное явление стал развиваться и шириться к началу XX в., пополняясь данными не только многотысячных филиалов Теософского общества во всём мире, но и деятельности русских символистов, космистов, Е. И. и Н. К. Рерихов, Д. Л. Андреева, русских оккультистов, розенкрейцеров и т. д.

Наибольшую известность при жизни Е. П. Блаватская получила как писательница-путешественница по Востоку, первоначально печатавшаяся в «Русском Вестнике» М. Каткова (с 1857 по 1887 гг.) под псевдонимом «Радда-Бай». Книга, собранная из приложений этого журнала – «Из пещер и дебрей Индостана»² – стала бестселлером. Статьи о Е. П. Блаватской как о *русской писательнице* были включены в справочно-библиографические издания Н. Н. Голицына и С. А. Венгерова, в энциклопедические словари Брокгауза и Ефрона, «Гранат», «Большую Энциклопедию» под редакцией С. Н. Южакова.

Е. П. Блаватская придавала большое значение связи с Россией. Помимо регулярной переписки с А. Н. Аксаковым, А. М. Бутлеровым и другими русскими учёными и деятелями русской культуры, она посылала свои корреспонденции в русские издания («Русский вестник», «Тифлисский вестник», «Московские ведомости», «Ребус», «Новое время»). Как отмечала З. Венгерова, специально для русских журналов Е. П. Блаватская начала статью под названием «Теософическое общество. Сказка-быль XIX в.»³. В западных теософских изданиях Елена Петровна от-

кликалась на события русской культурной жизни.

Среди мистиков Старого и Нового света Е. П. Блаватскую выделял особый, резко контрастировавший с западным подход к восточной культуре: уважительный, исследовательский и одновременно – конструктивный [1]. Исконно российское ощущение себя между Западом и Востоком определяло и образ мыслей, и образ жизни Е. П. Блаватской. Символом восточно-западного синтеза с позиции русского менталитета стала её фундаментальная книга «Тайная доктрина» [2].

Исследования на Востоке и затем непосредственное получение знаний от учителей гарантировало максимальную достоверность воспроизведения древних идей. Е. П. Блаватская впервые открыла Западу неизвестные древнейшие источники, священные книги, которые она переводила анонимно, и только благодаря её последователям была признана, по существу, соавтором этих идей, широко распространившихся и на Западе, и в России. Как отмечает западный биограф С. Крэнстон, на Востоке переводы древних рукописей и теоретические работы Е. П. Блаватской в XX в. были оценены очень высоко [9]. В 1927 г. в Пекине была опубликована книга «Голос молчания» с предисловием Панчен-ламы IX (1833–1933). В предисловии подтверждался тот факт, что Е. П. Блаватская несколько лет обучалась в Ташилунпо и хорошо знала предыдущего Панчен-ламу [9, с. 115]. В 1989 г. было опубликовано юбилейное издание «Голоса безмолвия» в переводе Е. П. Блаватской. Предисловие к нему написал нынешний Далай-лама XIV [9, с. 114]. Именно русский менталитет, в котором исторически сформировалось и сохранялось уважительное и заинтересованное отношение к буддизму, позволил Е. П. Блаватской, в отличие от западных востоковедов, непосредственно практически вникнуть в его систему, обрести доверие его учителей, получить доступ к ранее неизвестным древностям. Потому совершенно неправомерно ассоциировать погружение Е. П. Блаватской в многотысяче-

¹ Архив Института восточных рукописей РАН. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 3–3 об.

² Радда-Бай (Блаватская Е. П.). Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину: в 4 ч. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1883. 411 с.

³ Венгерова З. С. Блаватская // Критико-биографический словарь русских писателей и учёных: в 6 т. Т. 3. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1892. С. 305–306.

летнюю непосредственную и письменную традицию буддизма – с небезынтересной интерпретацией К. Кастанедой учения племени яки, как пытаются это делать современные западные исследователи древних учений [18].

Подлинно русская революционность отличала создание Е. П. Блаватской Всемирного Теософского общества, объединяющего Запад, Восток и Россию, имеющего синтетический характер (соединяющего религию, науку и философию) и демократические принципы (доступного всем слоям населения, независимо от социального положения, расы, национальности, уровня образования). Е. П. Блаватская одной из первых начала создавать миф о «таинственном» и притягательном Востоке, повлиявший на всю мировую культуру XIX–XX вв. Речь идёт не просто об «ориентализме» (взгляде Запада на Восток), а о новом социокультурном мифе «Востока» [14], в котором действуют восточные учителя, раскрываются тысячелетние тайны древних цивилизаций, реанимируются утопические проекты идеального устройства общества, соединяются оккультное знание и современная наука, разворачиваются вселенские этапы и перспективы космогенезиса и антропогенезиса...

Религиозно-оккультная деятельность Е. П. Блаватской вписывалась в примечательный для XIX в. тренд «женского мистицизма» (и здесь можно согласиться с некоторыми положениями книги Г. Ханта [20, р. 279]). Но вместе с тем организаторская активность Е. П. Блаватской международного масштаба по праву может быть сопоставлена с кружковой, а затем и организационно-партийной работой русских революционеров на Западе. Но русские революционные группы, кружки и общества (от А. И. Герцена до социал-демократов) на Западе готовили политический переворот в России, а Е. П. Блаватская боролась за духовное преображение Запада, за соединение его с Востоком, которое ей, русской по духу, казалось возможным и необходимым.

Этнически-русский менталитет Г. И. Гурджиева и его ближайших последователей

У других русских мистиков, родившихся и с детства воспитанных в лоне русской культуры, также был сформирован этнически русский менталитет, определивший и трудности, и достижения их судеб. Г. И. Гурджиев (1866(73? 77?)–1949), в «Словаре гнозиса и западного эзотерицизма» представленный как «греко-армянский холистический философ»¹, родился в г. Александрополь, который тогда принадлежал Российской империи (позже переименован в Карс, а ныне это армянский город Гюмри). Воспитание мальчик получил в многонациональной среде, будучи православным. В своей автобиографической книге «Встречи с замечательными людьми» третью главу Г. И. Гурджиев посвятил русскому священнику, отцу Бошу, декану Карского православного кафедрального собора, своему первому духовному наставнику, который стал, по словам Г. И. Гурджиева, «поистине источником моей настоящей индивидуальности» [4, с. 51]. В конце жизни Г. И. Гурджиев писал: «Я не знаю, оправдал ли я и оправдываю ли ваши мечты, но заповеди, которые вы мне дали, я ни разу не нарушил за всю мою жизнь» [4, с. 57]. Г. И. Гурджиев начинал свою учительскую деятельность в Петербурге и Москве. До конца жизни остававшийся подданным России, он поддерживал связь с родственниками и в СССР. Г. И. Гурджиев умер в Париже, его отпевали в русском православном соборе св. Александра Невского.

Сегодня Г. Хант подчёркивает значение детских воспоминаний Г. И. Гурджиева, опираясь на западных психологов (З. Фрейда и др.) [20, р. 239, 242, 245]. Но подобные рассуждения являются малопродуктивными в исследовании гурджиевского менталитета. Г. И. Гурджиев для своих русских учеников в начале XX в. был олицетворением мудрости Востока.

¹ Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. W. J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006. P. 445.

А на Западе в интернациональной среде своих групп и школ он воспринимался как русский учитель, всегда опиравшийся на русских учеников, их глубинное понимание его творческих и организационных проблем. Славу на Западе Г. И. Гурджиев получил в значительной мере благодаря книге П. Д. Успенского, растолковавшего западному читателю необычное учение и методы мистика [24; 25].

П. Д. Успенский в «Словаре гнозиса и западного эзотерицизма» представлен как «русский писатель, духовный философ и учитель»¹, но не как русский мистик (!). В статье «Мистицизм» «Новой энциклопедии Британника» он назван *русским философом* и основоположником нового психологического подхода к мистицизму как «учения о себе (“Я”»². Западные ученики П. Д. Успенского развивали именно психологические аспекты систем Г. И. Гурджиева и П. Д. Успенского [22].

Ближайшим учеником Г. И. Гурджиева был Фома (Томас) де Гартман (Thomas de Hartmann, 1885–1956), известный русский композитор, музыкант и дирижёр. Ф. Гартман и его жена, оперная певица Ольга, провели с Г. И. Гурджиевым более 10 лет (с 1917 по 1929 гг.) – Фома был главным концертмейстером и основным аккомпаниатором во время ежедневных репетиций учеников, а Ольга – личным секретарём учителя [19]. В настоящее время Дж. Петче подчёркивает значение музыки, сочинённой Г. И. Гурджиевым и Ф. Гартманом, для всей системы учителя и, в частности, его «движений» и сакральных танцев. Но русскую «красную нить» в деятельности двух уроженцев России австралийская исследовательница полностью игнорирует! Г. И. Гурджиев для неё – «греко-армянский духовный учитель», а Ф. Гартман — его «украинский ученик» (sic!) [26, p. 92]. А современный исследователь Дж. Азиз подчёркивает суфийские

корни в гурджиевском мистицизме, музыке и системе упражнений [15]. Иначе говоря, в западном гурджиеведении проявляется обычное непонимание историко-культурного контекста, в котором формировались и творили эти два ментально русских человека.

Западные исследователи Г. И. Гурджиева указывают на влияние на него теософии Е. П. Блаватской на первом этапе его деятельности. Известный исследователь современного эзотерицизма Аркадий Ровнер заметил: «Учение Гурджиева несёт в себе явные следы влияния и умного использования идейных богатств теософии» [12, с. 372]. Заметим, что П. Успенский сохранил детское воспоминание о встрече его родителей с Е. П. Блаватской, и в молодости он также находился под сильным влиянием теософии [12, с. 17, 28].

Литературное творчество Г. И. Гурджиева – это плод последнего этапа его жизни и учительской деятельности. За несколько лет до смерти он закрыл свою знаменитую школу сакральных движений и танцев и приступил к созданию “opus magnum” – «Рассказы Вельзевула своему внуку»³, первоначально на *русском* и армянском языках! Даже перевод названия этой книги на английский⁴ (когда «рассказы» превращаются в “tales” и западным читателем могут быть истолкованы как «сказки») уже вызывает разночтения... Нельзя не учитывать также русские слова, неологизмы, фразеологизмы, эвфемизмы и пр., используемые в уникальном «новоязе» Г. И. Гурджиева, что неизбежно приводит к потере смыслов. Так, современный западный исследователь вынужден признать, что в неологизме «хаватвернони» звучит русский корень «вера». Но ему невдомёк, что здесь же скрывается и не менее важное русское слово «верность»! Или, когда тот же исследователь недоумевает по поводу толкования гурджиевского неологизма «бытие – партдолг – обязанность», –

¹ Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. W. J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006. P. 911.

² The New Encyclopaedia Britannica: in 30 vols. Vol. 12: Macropaedia. Knowledge in Depth. 15th ed. / ed. R. McHenry. Chicago: Joseph Valles Books, 1974. P. 791.

³ Гурджиев Г. И. Все и вся. Рассказы Вельзевула. СПб.: Тайм-аут, 1993. 312 с.

⁴ Gurdjieff G. I. Beelzebub's Tales to his Grandson. New York: Harcourt, 1950. 1238 p.

любой советский человек или человек, знакомый с понятием партийной дисциплины в СССР, легко объяснит его суть. И здесь недостаточно признать наличие одного русского корня (наряду с армянским и английским), в сложносочинённом составном неологизме [21, р. 457]. Нужно прочувствовать дух тоталитарной эпохи, вкладывавшей в понятие «партийного долга» особый фатально-трагический и бытийный смысл. Вне «мнемоистории» западного эзотерицизма, для представителей и знатоков русской культуры совершенно очевидна связь гурджиевских языковых экспериментов с «новоязом» русских авангардистов, с «заумью» русских футуристов и т. п. Как отмечает А. Ровнер, в работе над второй книгой Г. И. Гурджиева «Встречи с замечательными людьми» принимал активное участие Н. Н. Евреинов (1879–1953), замечательный русский драматург и театральный критик. Благодаря ему «вторая книга Гурджиева обрела более каноническую литературную форму...» [12, с. 461].

Значение и роль этнического менталитета русских мистиков в его противостоянии западному менталитету

Русский менталитет определил основной круг идей русского мистицизма, составлявших его суть и способы достижения целей. Идея жертвы и её неизбежности; покаяние; личная ответственность; фатализм; сверх-усилие; ценность отрицательных эмоций и шоковых состояний в самосовершенствовании... Эти идеи не были столь глубоко осмыслены и применены в западном эзотерицизме.

Особое значение в русском мистицизме придавалось осмыслению проблемы совести, столь характерному для всей русской литературы и философии. В западном менталитете проблема совести была сопряжена с бытовым практицизмом, с идеей социальной ответственности и организации и т. п. В русском менталитете проблема совести сугубо лично-духовного свойства, связанная с самосовершенствованием

и духовной трансформацией общества. Особо пристальное внимание совести уделял Г. И. Гурджиев [8]. В русле русского менталитета идею совести развивал П. Успенский [23]. Своеобразное прочтение взглядов Гурджиева и Успенского по проблеме совести содержится в учениях их западных последователей (Дж. Г. Беннетт [16], Р. Э. Бертон [17]), явственно выявляя различия между русским и западным менталитетами.

Русский мистицизм в лице его отдельных представителей всегда был привлекателен для Запада, но до сих пор он трудно воспринимается в целом, потому что поистине сложно сразу охватить размах мысли и деятельности всех его творцов – от универсального синтеза Е. П. Блаватской и Г. И. Гурджиева, философских талантов Вл. С. Соловьёва и деятелей «нового религиозного сознания», художественно-философских и научных дарований русских символистов до естественно-научных открытий русских космистов и социально-культурных и новаторских проектов русских авангардистов.

В системе западного мышления, привыкшего к чёткому дифференцированию тщательно проверенных явлений и их скрупулёзному «раскладыванию по полочкам», глобальные, поистине вселенские масштабы русского мистицизма и должны были казаться непостижимыми. Стоит ли удивляться поэтому, что только в XXI в. признаются истинные заслуги Е. П. Блаватской, ширится интерес к учению и практикам Г. И. Гурджиева, исследуются воззрения П. Д. Успенского, углублённо изучается философия Вл. Соловьёва и деятелей русского «нового религиозного сознания», высоко оценивается наследие русских символистов, авангардистов...

Заключение

Таким образом, русские мистики оставили яркий след в западной культуре и, в частности, в западном эзотерицизме. И это произошло именно потому, что изна-

чально они к нему не принадлежали. Но, обладая мощной харизмой, особой духовной программой действий, полученной ими в мистическом опыте, невероятной работоспособностью и впечатляющей методологией, они произвели кардинальные культурные трансформации в западном и мировом сообществе. В отличие от западных эзотериков, для которых неизменным был и остаётся тезис Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись», русские мистики преследовали не узконациональные, а всечеловеческие цели совершенствования современ-

ных им культур, стремясь к формированию будущей глобальной цивилизации.

Признание русских мистиков, которые жили и работали на Западе, *ментально русскими* сегодня необходимо и для русской культуры, в которой воссоединилась русско-советская и русско-зарубежная культурная память и восстанавливается свободная исследовательская работа по осмыслению богатейшего отечественного наследия.

Статья поступила в редакцию 22.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернюкевич Т. В. Буддизм в теософии Е. П. Блаватской: к проблеме «философского изобретения» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2009. № 1. С. 46–56.
2. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии: в 2 т.: в 5 кн. Т. 1: Космогенезис. Кн. 1. М.: Сиринь, 1993. 369 с.
3. Гурджиев Г. И. Беседы с учениками. Киев: Преса України, 1992. 173 с.
4. Гурджиев Г. И. Встречи с замечательными людьми. М.: Летавр, 1994. 285 с.
5. Желиховская В. П. Радда-Бай (Правда о Блаватской). СПб.: Интербук, 1893. 60 с.
6. Кравченко В. В. Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX ст. М.: Издатцентр, 1997. 280 с.
7. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
8. Кравченко В. В. Совесть против морали в учении Г. И. Гурджиева // Философские науки. 1995. № 2–4. С. 44–54.
9. Крэнстон С. Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософического движения / пер. Л. Данилова, А. Орлова, Е. Стариченок, Н. Троицкой. Рига; М.: ЛИГАТМА, 1996. 720 с.
10. Мельников П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. № 3. С. 275–340.
11. Нэф М. К. Личные мемуары Е. П. Блаватской / пер. с англ. Л. Крутиковой, А. Крутикова. М.: Сфера, 1993. 315 с.
12. Ровнер А. Б. Гурджиев и Успенский. М.: София: Гелиос, 2002. 512 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. Т. А. Велимеева. М.: АСТ, 2017. 576 с.
14. Шахматова Е. В. Мифологема «Восток» в философско-эзотерическом контексте культуры Серебряного века. М.: Академический проект, 2002. 413 с.
15. Azize J. Gurdjieff: Mysticism, Contemplation, and Exercises. New York: Oxford University Press, 2020. 346 p.
16. Bennett J. G. The Foundation of Moral Philosophy. London: Hodder & Stoughton, 1961. 365 p.
17. Burton R. E. Self-Remembering. New York: Wheel: Weiser, 1996. 240 p.
18. Hardman Ch. E. “He May be Lying but What He Says is True”: The Sacred Tradition of Don Juan as Reported by Carlos Castaneda, Anthropologist, Trickster, Guru, Allegorist // The Invention of Sacred Tradition / ed. J. R. Lewis, O. Hammer. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 38–55.
19. Hartmann de O., Hartmann de T. Our Life with Mr. Gurdjieff. New York: Harper & Row, 1983. 158 p.
20. Hunt H. T. Lives in Spirit: Precursors and Dilemmas of a Secular Western Mystic. Albany; New York: State University of New York Press, 2003. 357 p.
21. Maltabarova M. The Concept of Human Self: George Gurdjieff’s Beelzebubs Tales to His Grandson // Correspondences 7. 2019. № 2. P. 441–464.
22. Nicoll M. Psychological Commentaries on Teaching of Gurdjieff and Ouspensky. Vol. 1–5. London: Vincent Stuart, 1953, 1955.
23. Ouspensky P. D. Conscience: The Search for Truth. London: Routledge: K. Paul, 1979. 159 p.

24. Ouspensky P. D. *The Fourth Way*. New York: Knopf; London: Routledge: K. Paul, 1957. 480 p.
25. Ouspensky P. D. *In Search of the Miraculous*. London: Routledge: K. Paul, 1955. 399 p.
26. Petsche J. M. Gurdjieff and de Hartmann's Music for Movements // *Alternative Spirituality and Religion Review*. 2013. Vol. 4. Iss. 1. P. 92–121.

REFERENCES

1. Bernyukevich T. V. [Buddhism in Theosophy of H. P. Blavatsky: To the Problem of “Philosophical Invention”]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of RUDN. Series: Philosophy], 2009, no. 1, pp. 46–56.
2. Blavatsky E. P. *Tajna doktrina. Sintez nauki, religii i filosofii. T. 1: Kosmogenezis Kn. 1* [The Secret Doctrine. Synthesis of Science, Religion and Philosophy. Vol. 1: Cosmogenezis. B. 1]. Moscow, Sirin Publ., 1993. 369 p.
3. Gurdzhiev G. I. *Besedy s uchenikami* [Conversations with Students]. Kiev, Presa Ukraini Publ., 1992. 173 p.
4. Gurdzhiev G. I. *Vstrechi s zamechatel'nymi lyud'mi* [Meetings with Wonderful People]. Moscow, Letavr Publ., 1994. 285 p.
5. Zhelihovskaya V. P. *Radda-Baj (Pravda o Blavatskoj)* [Radda-Bai (The Truth about Blavatsky)]. St. Petersburg, Interbuk Publ., 1893. 60 p.
6. Kravchenko V. V. *Misticizm v russkoj filosofskoj mysli XIX – nachala XX st.* [Mysticism in Russian Philosophical Thought of the 19th – early 20th Century]. Moscow, Izdatcentr Publ., 1997. 280 p.
7. Kravchenko V. V. *Simfoniya chelovecheskoj kul'tury* [Symphony of Human Culture]. Moscow, Agraf Publ., 2017. 384 p.
8. Kravchenko V. V. [Conscience against Morality in the Teachings of G. I. Gurdjieff]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 1995, no. 2–4, pp. 44–54.
9. Cranston S. The Extraordinary Life and Influence of Helena Blavatsky, Founder of the Modern Theosophical Movement (Rus. ed.: Danilov L., Orlova A., Starichenok E., Troickaya N., transl. E. P. Blavatsky. *Zhizn' i tvorchestvo osnovatel'nicy sovremennogo teosoficheskogo dvizheniya*. Riga, Moscow, LIGATMA Publ., 1996. 720 p.).
10. Melnikov P. [Memories of Vladimir Ivanovich Dahl]. In: *Russkij vestnik* [Russian Bulletin], 1873, no. 3, pp. 275–340.
11. Neff M. K. Personal Memoirs of H. P. Blavatsky (Rus. ed.: Krutikova L., Krutikov A., transl. *Lichnye memuary E. P. Blavatskoj*. Moscow, Sfera Publ., 1993. 315 p.).
12. Rovner A. B. *Gurdzhiev i Uspenskij* [Gurdjieff and Uspensky]. Moscow, Sofiya Publ., Gelios Publ., 2002. 512 p.
13. Huntington S. The Clash of Civilizations (Rus. ed.: Velimeev T. A., transl. *Stolknovenie civilizacij*. Moscow, AST Publ., 2017. 576 p.).
14. Shahmatova E. V. *Mifologema “Vostok” v filosofsko-ezotericheskom kontekste kul'tury Serebryanogo veka* [Mythologeme “East” in the Philosophical and Esoteric Context of the Culture of the Silver Age]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2002. 413 p.
15. Azize J. Gurdjieff: Mysticism, Contemplation, and Exercises. New York, Oxford University Press, 2020. 346 p.
16. Bennett J. G. *The Foundation of Moral Philosophy*. London, Hodder & Stoughton, 1961. 365 p.
17. Burton R. E. *Self-Remembering*. New York, Wheel Publ., Weiser Publ., 1996. 240 p.
18. Hardman Ch. E. “He May be Lying but What He Says is True”: The Sacred Tradition of Don Juan as Reported by Carlos Castaneda, Anthropologist, Trickster, Guru, Allegorist. In: Lewis J. R., Hammer O., eds. *The Invention of Sacred Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 38–55.
19. Hartmann de O., Hartmann de T. *Our Life with Mr. Gurdjieff*. New York, Harper & Row Publ., 1983. 158 p.
20. Hunt H. T. *Lives in Spirit: Precursors and Dilemmas of a Secular Western Mysticism*. Albany, New York, State University of New York Press, 2003. 357 p.
21. Maltabarova M. The Concept of Human Self: George Gurdjieff's Beelzebubs Tales to His Grandson. In: *Correspondences* 7, 2019, no. 2, pp. 441–464.
22. Nicoll M. *Psychological Commentaries on Teaching of Gurdjieff and Ouspensky*. Vol. 1–5. London, Vincent Stuart Publ., 1953, 1955.
23. Ouspensky P. D. *Conscience: The Search for Truth*. London, Routledge: K. Paul, 1979. 159 p.
24. Ouspensky P. D. *The Fourth Way*. New York, Knopf Publ.; London: Routledge: K. Paul, 1957. 480 p.
25. Ouspensky P. D. *In Search of the Miraculous*. London, Routledge: K. Paul, 1955. 399 p.
26. Petsche J. M. Gurdjieff and de Hartmann's Music for Movements. In: *Alternative Spirituality and Religion Review*, 2013, vol. 4, iss. 1, pp. 92–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института;
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Linguistics and Theory of translation, Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кравченко В. В. Русские мистики на Западе: столкновение менталитетов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 97–106.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-97-106

FOR CITATION

Kravchenko V. V. Russian Mystics in the West: Clash of Mentalities. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 97–106.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-97-106